

212469

ОБЪЯСНЕНІЕ

по поводу

«ВНУТРЕННЯГО ОБОЗРѢНІЯ».

(ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ, 12, 1878 Г.)

11567

Иъ Цинковита.

Переня
1959

СПбГУ

ОДЕССА.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 3.
1878.

ОБЪЯСНЕНІЕ

По поводу

ВНУТРЕННЯГО ОБОЗРѢНІЯ.

(Вѣстникъ Европы, 12, 1878 г.)

Не было надобности прерывать полное молчаніе на всю брань, какую подняли на меня органы сначала — одесской, а потомъ — петербургской, отчасти и московской прессы. Я даже не слѣдилъ за всѣми ругательными фельетонами, корреспонденціями, замѣтками и проч.; о многихъ изъ нихъ узнавалъ иногда случайно, изъ вторыхъ рукъ.

Такая безучастность не обозначала собой, напр., авторскаго высокомерія, — совсѣмъ нѣтъ. Въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ всѣ видѣли, какъ расправлялись съ другими, далеко поважнѣе меня; какъ топтали въ грязь, — казалось, вполне установленныя, — литературныя и научныя репутаціи. Всѣмъ доставалось: иноземцамъ и соотечественникамъ. Чего же другаго могъ ожидать я, человѣкъ новый, неизвѣстный, случайно (и вынужденно) появившійся на сценѣ литературной полемики? Не такимъ сокрушали челюсти, — съ какой же стати стали бы со мной обращаться въ непривычныхъ перчаткахъ?

Не особенно также занимали и волновали меня другія (опять неподлинныя) выраженія будто-бы русскаго общественнаго мнѣнія. Я разумѣю всю ту корреспонденцію, въ полученіи которой опубликована росписка на обложкѣ третьяго изданія моей брошюры. Во всѣхъ этихъ пасквиляхъ, корившихъ и каравшихъ меня судомъ общественнаго мнѣнія, я не видѣлъ для себя такой кары, и не видѣлъ ея, между прочимъ, потому, что *настоящее* общественное мнѣніе было замѣтно по другимъ признакамъ.

Нѣкоторые (и не въ литературѣ) даже сдѣлали догадливое предположеніе, что брошюра написана единственно для того, чтобы заработать на выручкѣ отъ продажи.

Такимъ образомъ, пока ораторствовалъ (печатно и рукописно) извѣстный литературный и нелитературный лагерь, не было ни повода, ни охоты врывать въ этотъ дружный концертъ всѣхъ воплей и возгласовъ, какіе раздавались отъ боли озлившихся самоиѣннѣй и прищемленныхъ хвостовъ.

Но молчаніе оказывается неудобнымъ и рѣчь становится возможною, когда на сценѣ появляется такой противникъ, какъ Вѣстникъ Европы (*). Молчаніе неудобно въ виду установившейся (и справедливо) репутаціи журнала: молчаніе могутъ принять за признакъ пораженія. А рѣчь становится возможною, потому что съ такимъ противникомъ можно объясняться и говорить: самъ онъ не прибѣгаетъ къ брани и дерзостямъ, — не вынуждаетъ къ нимъ и другаго. — Кроме того, — при случаѣ, мимоходомъ, можетъ быть досказано и нѣчто такое, что не было прямо выражено въ Отвѣтѣ на письма къ ученымъ людямъ.

Внутреннее *Обозрѣніе* распадается на три части. Изъ нихъ третья, всего неполныхъ двѣ страницы ¹⁾, рассказываетъ объ одной изъ частныхъ учебной реформы въ Финляндіи. Заключительныя слова этой части, а съ ней и всего *Обозрѣнія*, — таковы: «вотъ счастливая страна, гдѣ.... сколько мы знаемъ о ея общественной жизни, въ этой жизни г. Цитовичъ нашелъ бы мало красокъ для своихъ картинъ, а молодежь остается тамъ молодою — и больше ничего, спокойно ожидал своей нелегкой очереди начать общественное служеніе» ²⁾.

Гораздо интереснѣе и поучительнѣе вторая часть *Обозрѣнія*, гдѣ авторъ предположилъ «помѣряться не бранью, а мыслями» съ «нашими новыми мыслителями». ³⁾

Зачисливши этихъ «собственно нашихъ новыхъ мыслителей»

⁴⁾ тоже въ число моихъ «союзниковъ» ⁵⁾, между прочимъ, —

(*) Декабрьская книжка 1878 г., Внутреннее *Обозрѣніе*; страницы 818—844; на эти страницы и будутъ дѣлаться ссылки.

¹⁾ стр. 842—844. ²⁾ стр. 844. ³⁾ стр. 832—33, 835, 837, 838, 839.

⁴⁾ стр. 835. ⁵⁾ стр. 832.

со стороны «добросовѣстности» ¹⁾, — авторъ дѣлаетъ «нашимъ новымъ мыслителямъ» цѣлый рядъ упрековъ и возраженій. Такъ, «нашимъ новымъ мыслителямъ» поставляется на видъ, что они хотятъ «переиначить весь общественный бытъ по программѣ, выдуманной кѣмъ-то, или, лучше сказать, по десяти весьма несходнымъ между собой программамъ, изобрѣтеннымъ разными «фракціями»; что они «хотятъ силою упразднить собственность и установить общее владѣніе» ²⁾. Чѣмъ-же предполагаютъ эти «собственно наши новые мыслители» замѣнить осужденный ими нынѣшній экономическій и политическій порядокъ? «Вольныя, автономныя общины рабочихъ — вотъ положительная программа новыхъ мыслителей. Они идутъ въ народъ вовсе не для того, чтобы узнать отъ него его слово, но для того, чтобы постараться навязать ему придуманное ими» ³⁾.

Итакъ, вольныя, автономныя общины — такова *summa summarum* всѣхъ идеаловъ, съ которыми носятъ «собственно наши новые мыслители»; какъ показываетъ и доказываетъ тотъ же авторъ *Обозрѣнія*, они не имѣютъ ничего общаго съ нѣмецкими социалистами ⁴⁾. Что же стоитъ на дорогѣ осуществленію такихъ идеаловъ? Авторъ *Обозрѣнія* отвѣчаетъ: «семейный бытъ, религія, сила національнаго духа, самый экономическій складъ, всѣ эти условія существованія и личности десятковъ милліоновъ людей пришлось бы передѣлывать для осуществленія тѣхъ идеаловъ, если бы они и были осуществимы, чему нигдѣ и никогда еще не бывало примѣра» ⁵⁾. Въ частности, что касается пресловутой борьбы труда съ капиталомъ, *Обозрѣніе* замѣчаетъ, что въ Россіи для подобной (дѣйствительной) борьбы нѣтъ ни почвы, ни повода ⁶⁾.

Обозрѣніе, далѣе, указываетъ, какъ «наши новые мыслители» безцеремонно врутъ въ «письменныхъ бесѣдахъ съ русской молодежью» ⁷⁾; какъ, при помощи вранья, «подвергаютъ неопытныхъ своей убійственной, безнадежной рекрутской повинности» ⁸⁾. А между тѣмъ, по словамъ *Обозрѣнія*, они, «наши новые мыслители», просто хвастаются, когда увѣряютъ русскую моло-

¹⁾ стр. 832 со стр. 829. ²⁾ стр. 834. ³⁾ стр. 839. ⁴⁾ стр. 833—34
⁵⁾ стр. 840 со стр. 835, 841. ⁶⁾ стр. 840. ⁷⁾ стр. 838, 839, 840. ⁸⁾ стр. 838, 840.

дежь, будто среди народа у нихъ уже готова «боевая армія», будто народъ настроенъ ихъ слушать, будто они, «наши новые мыслители», отмѣнили крѣпостное право, выполнивши такимъ подвигомъ завѣты Разина и Пугачева ¹⁾. На такія и подобныя похвальбы этихъ потомковъ Ноздрева и Хлестакова *Обозрѣніе* дѣлаетъ рядъ возраженій и между ними такое: «одно изъ несомнѣннѣйшихъ свойствъ русской народной массы — свойство, создавшее все историческое величіе страны бѣдной, малообразованной — есть нескоренимая, безусловная преданность русскаго народа идеѣ *государства*, то-есть, той самой идеѣ, которую кореннымъ образомъ отрицаютъ «анархисты», проповѣдники вольныхъ, автономныхъ общинъ» ²⁾.

Наконецъ, прежде чѣмъ высказать осужденіе «принципу и практикѣ политическихъ убійствъ» ³⁾ авторъ *Обозрѣнія* призываетъ къ русской молодежи: «пусть все, что молодо и что составляетъ цвѣтъ и надежду своей земли, пусть будущіе слуги ея собственной силы, ея преуспѣянія и ея свободы — знаютъ какъ безнадежны и несостоятельны тѣ мечты, которыми ихъ увлекаютъ, стараясь подѣйствовать на ихъ дѣйствительно благородныя чувства энергіи и готовность къ самоотверженію» ⁴⁾.

Такова вторая часть *Обозрѣнія*, написанная притомъ съ оговоркой, что авторъ отвергаетъ всякія «квалификаціи», т. е., что онъ не становится на точку зрѣнія, взятую изъ политики ⁵⁾; такая точка зрѣнія еще раньше отвергнута въ моемъ *Отвѣтѣ* ⁶⁾. — Всякій, кто читалъ *Отвѣтъ*, долженъ согласиться, что вся эта вторая часть *Обозрѣнія*, безъ особенной дисгармоніи, по частямъ могла бы быть вшита въ мою брошюру. — Совсѣмъ не то первая часть *Обозрѣнія* ⁷⁾, написанная противъ того же *Отвѣта*.

Начиная обзрѣвать эту первую часть, я тоже посѣтую на автора *Обозрѣнія* за то, что, повидимому, онъ читалъ *Отвѣтъ*, что называется, черезъ пятое-въ десятое. Иначе, — онъ не могъ бы сдѣлать, напр., такого заявленія: «мы съ точностью не видимъ, гдѣ начинаются и на чемъ кончаются его» (т. е. мои) «обвиненія, на

¹⁾ Стр. 837, 839, 840. ²⁾ стр. 841. ³⁾ стр. 841—842. ⁴⁾ стр. 841, ⁵⁾ стр. 832, 840. ⁶⁾ *Отвѣтъ*, 4 изд. стр. 37—38. ⁷⁾ стр. 818—831.

кого они предъявляются со всей строгостью, и кто отъ нихъ изъять» ¹⁾. Кто изъять отъ моихъ обвиненій, въ Отвѣтѣ сказано слишкомъ ясно: изъяты «*всѣ тѣ, по мнѣнію которыхъ незнаніе правилъ арифметики составляетъ существенную помѣху заниматься социальными вопросами, все равно, въ роли журналиста или въ роли профессора*» ²⁾. А за что эти обвиненія предъявляются, рассказано и показано на пространствѣ всей брошюры.

Не разобравши въ чемъ дѣло, то-есть, по видимому не прочитавши Отвѣта, авторъ *Обозрѣнія* потерялся, не разглядѣлъ ни плана, ни связи составныхъ частей Отвѣта, все въ немъ увидѣлъ смѣшаннымъ «въ одну кучу», а себя нашелъ «въ полнѣйшей невозможности составить себѣ какое нибудь понятіе, противъ чего въ сущности я ратую» ³⁾. Иными словами: авторъ *Обозрѣнія* не замѣтилъ, что (между разнымъ другимъ) я ратую главнымъ образомъ и приблизительно противъ того же, противъ чего ратуетъ онъ самъ во второй части *Обозрѣнія*, и ратуетъ средствами, похожими на тѣ, какія употреблены у меня, т. е. прежде всего — безъ всякихъ «квалификацій».

Такимъ образомъ, въ то время, какъ «разсужденія собственно нашихъ новыхъ мыслителей» ⁴⁾ оказываются строго продуманными, доказательными, органически-связанными мыслями (иначе авторъ *Обозрѣнія* не сталъ бы мѣрять съ ними своихъ мыслей), мои «разсужденія» найдены «представленными мною «въ случайной, произвольной и механической связи» ⁵⁾. Немудрено, что авторъ смутился (отъ невниманія, я убѣжденъ въ этомъ, ибо слишкомъ уважаю редакцію журнала, чтобы допустить инныя предположенія) и не уловилъ руководящей нити: для него «вышла какая-то полемическая путаница», въ которой, и т. д. ⁶⁾. Эту «путаницу» онъ относитъ на мой счетъ, и добавляетъ, что для меня «было бы лучше, если бы» мои «обличенія и крайнія мнѣнія приписывались только одному смѣшенію понятій» ⁷⁾. Но «смѣшеніе понятій» не идетъ: такому (невинному) объясненію предпочтено иное: какое же? Авторъ (незамѣтно для себя) не убергся отъ примѣненія тѣхъ догадокъ, которыя такъ въѣлись въ

¹⁾ Стр. 820 — 821. ²⁾ Отвѣтъ, стр. 4. ³⁾ Стр. 821 ср. стр. 829 — 830
⁴⁾ стр. 835. ⁵⁾ стр. 821. ⁶⁾ стр. 829—830. ⁷⁾ стр. 831.

нашу литературную полемику, стали въ ней общепринятыми приемами. Это иное объясненіе — теорія *заказа*: «г. Цитовичъ желаетъ, по извѣстной пословицѣ, невинность соблюсти, и..... написать что-нибудь совершенно безопасное и желанное» ¹⁾. Многоточіе, конечно, было необходимо: недосказанъ капитальный конецъ пословицы относительно капитала. Правда, я указалъ на то, что крѣпостное право воспитало «животные инстинкты», «тѣперь прикрывающіеся новыми идеями»; «но это говорится только для краснаго словца, для прикрытія либеральнымъ словомъ чего-то совсѣмъ иного» ²⁾, — разъясняетъ авторъ, какъ-бы для спасенія только-что поставленнаго многоточія. Въ подкрѣпленіе такой догадки привлеченъ и другой изъ общепринятыхъ приемовъ русской полемики: теорія *союзовъ*. Во первыхъ, союзъ (и союзъ преступный) заключенъ съ «Московскими Вѣдомостями» ³⁾; во-вторыхъ, нашлись и другіе союзники, которые, въ поддержку мнѣ, «указываютъ на необходимость отмѣны нынѣшняго университетскаго устава, то-есть, на устраненіе въ университетахъ выборнаго начала и полное подчиненіе ихъ чиновникамъ» ⁴⁾.— Послѣ такихъ объясненій остается только воскликнуть: «cela rose un homme!», и лишить меня «снихожденія», ⁵⁾ котораго, впрочемъ, я лишенъ уже два мѣсяца назадъ.

Что мнѣ сказать на это? Я могу лишь протестовать всѣмъ голосомъ, всею до боли нажатой грудью, что: а) никогда и ни отъ кого я не имѣлъ *заказа* написать брошюру, и задумавши писать ее, не справлялся ни съ чьими желаніями; что б) *союзовъ* никакихъ и ни съ кѣмъ не заключалъ, никому не предлагалъ ихъ самъ, и не получалъ предложеній отъ другихъ. Но я не боюсь шаблонныхъ классификацій по ходячимъ штандартамъ, и не откажусь закрывать глаза на извѣстные факты лишь ради того, что ихъ видятъ, напр., «Московскія Вѣдомости.» Причина упорства та же самая, по которой не стану отвергать того здраваго смысла людей, на который (не безъ основанія) такъ рассчитываетъ и самъ авторъ *Обозрѣнія*, когда оставивши меня, принимается за другихъ моихъ «союзниковъ», т. е., за «нашихъ

¹⁾ стр. 830. ²⁾ стр. 827. ³⁾ стр. 830. ⁴⁾ стр. 831. ⁵⁾ тамъ же.

новыхъ мыслителей» ¹⁾. Да и что такое эти ужасныя Московскія Вѣдомости? Газета опредѣленнаго направленія, защищаетъ и представляетъ извѣстныя воззрѣнія, которыя съ такимъ же правомъ могутъ быть высказываемы, какъ и воззрѣнія противоположныя. И почему читатели и подписчики Московскихъ Вѣдомостей непременно должны быть хуже читателей и подписчиковъ другихъ газетъ? Мало того: можно спорить, всегда-ли правильны воззрѣнія Московскихъ Вѣдомостей; но за то вѣдь спора другое: эти воззрѣнія всегда одинаковы, высказываются открыто, проводятся настойчиво, проводятся съ такой силой ума и знанія, какая встрѣчается развѣ въ руководящихъ органахъ европейской прессы.

Наконецъ, что касается университетскаго устава, его я знаю и понимаю, и потому высказался не противъ, а за него. Но, —добавлю мимоходомъ,—когда нибудь раскажу въ печати, какіе фокусы могутъ продѣлываться подъ прикрытіемъ того же устава. Уставъ иногда обвиняютъ въ томъ, въ чемъ онъ неповиненъ; но за то на него ссылаются и тѣ, кто, кромѣ «выборнаго начала» по большинству и въ-темную, ни въ уставѣ ни вѣдь его ничего другаго не знаютъ и не допускаютъ. «Выборное начало» само по себѣ не рѣшаетъ ровно ничего; все зависитъ отъ того, въ какія руки попадаетъ примѣненіе этого начала. При одинаковости всѣхъ условій, самоуправленіе лучше другой формы управленія; но иногда оно можетъ обозначать и такое положеніе учрежденія, гдѣ нѣтъ никакого управленія, а только голосованіе. Сельское управленіе, напр., тоже самоуправленіе, при полной свободѣ отъ чиновниковъ; но въ нѣкоторыхъ волостяхъ хлѣбныя магазины расхищены. Виногато ли здѣсь Положеніе о крестьянахъ? Никонимъ образомъ,—виноваты пьяныя власти, горланы и міроѣды, рѣшившіе большинствомъ пропить магазины.—

Уже изъ сказаннаго видно, что прочтеніе брошюры авторъ *Обозрѣнія* дополнилъ вдохновеніемъ, какое навѣяли ему предположенія о заказахъ и союзахъ, будто бы заключенныхъ

¹⁾ стр. 835.

мною противъ всего такого и даже противъ университетскаго устава.— Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ явился Отвѣтъ послѣ того, какъ его обозрѣли въ *Обозрѣніи*.

Прежде всего заявлена «древность вопроса о поврежденіи нравовъ». Вопросомъ занимались и занимаются все тѣ, кто вѣритъ въ «грѣхопаденіе». Такіе люди—ничто иное, какъ «наши гг., Цитовичи добраго стараго времени»; въ доказательство пропѣтъ, т. е. пропечатанъ куплетъ ¹⁾); безъ куплетовъ у насъ не бываетъ ни критикъ ни обозрѣній. И такъ какъ, по мнѣнію такихъ людей, причина «поврежденія нравовъ» — грѣхопаденіе; то, разумѣется, для логичности, эти плакальщики должны признать, что поврежденіе нравовъ неизбѣжно возрастаетъ больше и больше. Помянуты къ слову ветхозавѣтные пророки, дьяволъ и аггелы его, разные лжеумудрецы и лжеучители. ²⁾ Затѣмъ, — вѣроятно, для большей наглядности сказаннаго, — дѣлаются выписки изъ Прудона; ³⁾ хотя Прудонъ, какъ извѣстно, не вѣрилъ ни въ грѣхопаденіе, ни въ дьявола и его аггеловъ. (*) Но все равно, — вѣдь упустилъ же авторъ изъ виду, что кто вѣритъ въ грѣхопаденіе, не можетъ, — оставаясь логичнымъ, — вѣрить въ неизбѣжность возрастающаго поврежденія нравовъ; вѣрующій въ грѣхопаденіе вѣритъ въ провидѣніе и въ искупленіе.

Послѣ прелюдій съ Прудонемъ, дьяволомъ и К.², слѣдуетъ упрекъ мнѣ въ томъ, что «вмѣсто вѣрнаго научнаго средства — химическаго анализа «воды» — авторъ (т. е. я) прибѣгаетъ къ приему чисто — гадательному, къ предположенію о родникѣ. Родникъ этотъ, по догадкѣ автора (моей) — пласть крѣпостнаго права и примыкавшихъ къ нему учреждений» ⁴⁾.

Но вѣдь химическій анализъ употребляется только въ химіи. Мнѣ нуженъ былъ другой анализъ: онъ и сдѣланъ, только не въ самой брошюрѣ, — тогда вышла бы цѣлая книга, — а го-

¹⁾ стр. 818, 829. ²⁾ стр. 819. ³⁾ стр. 821—822.

(*) Зачѣмъ примѣшивать Прудона? или, чего добраго, авторъ *Обозрѣнія* (вслѣдъ за однимъ изъ храбрѣйшихъ фельетонистовъ) полагаетъ, что написавши свою брошюру, я въ душѣ мню себя Прудонемъ? Но я не одержимъ маніей величія и потому не думаю мѣряться въ чемъ бы то ни было съ Прудонемъ.

⁴⁾ стр. 821—822.

раздо раньше; въ брошюрѣ сообщены одни результаты анализа. Такой анализъ, точнѣе,—примѣненіе метода исключеній,—легко можетъ сдѣлать и всякій, если рѣшить себѣ два-три вопроса. а) Съ какой стати началась у насъ война противъ собственности, когда собственность только что зараждается, еще неизвѣдана, до недавняго времени не была даже охранена? б) Съ какой стати война противъ семьи, когда семья еще не возведена вполнѣ на степень гражданскаго учрежденія? Войну противъ собственности можетъ вызвать извѣстный экономическій строй, а такого строя въ Россіи нѣтъ. Такъ думаетъ никто другой, какъ самъ авторъ *Обозрѣнія*: какъ мы видѣли выше, таково одно изъ его возраженій, направленныхъ противъ «нашихъ новыхъ мыслителей». Но тогда казался бы лишнимъ тотъ знакъ восклицанія, который въ *Обозрѣніи* приставленъ къ такому же заявленію у меня. ¹⁾ Такимъ образомъ обстоятельства Европы никакъ не объясняютъ и не оправдываютъ мужественнаго препровожденія времени въ формѣ борьбы примѣрнаго труда съ несуществующимъ капиталомъ. Чтò же касается войны противъ семьи, тутъ ужъ нельзя сослаться и на обстоятельства Европы: такой войны тамъ нѣтъ. Но с) когда началась одна и другая война? Какъ разъ послѣ отмѣны крѣпостнаго права; значить, та и другая война,—домашняго пошиба, и по времени какъ разъ заступили крѣпостные порядки. Слѣдовательно, объ войны не болѣе, какъ прикрытое отстаиваніе того, чтò практиковалось при старыхъ порядкахъ, было составной частью тогдашнихъ нравовъ. А затѣмъ само собой понятно, что извѣстное общинное владѣніе тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ русской борьбѣ труда съ капиталомъ. И дѣйствительно, въ то время, какъ выискиваются доводы въ пользу общиннаго владѣнія, общественный и казенный ящики по-старому остаются въ общинномъ владѣніи. Не знаю, далѣе, какъ обстоитъ дѣло съ «мыслями нашихъ консерваторовъ»; ²⁾ но въ моихъ мысляхъ русское мірское землевладѣніе вполнѣ «уединено» отъ общиннаго владѣнія, идущаго на отмѣну Десятой Заповѣди и цѣлаго ряда статей Уложенія о наказаніяхъ.

¹⁾ стр. 822. ²⁾ тамъ же.

Таковъ мой анализъ «живой воды». Онъ вполне рѣшаетъ вопросъ о томъ, «какіе элементы въ ней—существенные, какіе составляютъ только случайныя примѣси, какіе, наконецъ, только механически смѣшаны съ первыми»¹⁾. Существенные элементы—крѣпостническіе нравы, повадки лѣни, отвращеніе къ труду, половая распущенность, непризнаніе разницы между своимъ и чужимъ. Случайныя примѣси—ссылки на обстоятельства Европы: это красящія вещества «живой воды». Наконецъ, механическія добавки—тѣ кричащія вывѣски, какія наставлены надъ источниками «живой воды».

Вотъ результаты анализа, отъ которыхъ врядъ-ли можно отговориться или уклониться.

Во всякомъ случаѣ результаты остаются вѣрными, не смотря на такое возраженіе автора *Обозрѣнія*: «Въ числѣ жажущихъ и толпящихся у «живой воды» юности, взросліе въ помѣщичьихъ семьяхъ, составляли ничтожное меньшинство. Большинство же состояло изъ дѣтей чиновниковъ, духовныхъ и всякихъ разночинцевъ, которые никогда гапками и палашками не владѣли». ²⁾ Какъ будто вліяніе крѣпостнаго права дѣйствовало только на тѣхъ, кто владѣлъ гапками и палашками? Нѣтъ,— оно дѣйствовало на всѣхъ, кто, въ силу крѣпостнаго права, *пользовался* гапками и палашками, а пользовались ими всѣ разночинцы ³⁾. Иначе и быть не могло: учрежденіе, существующее даже и въ одномъ классѣ общества, непременно отозвѣтается на другихъ классахъ, особенно, если классъ, къ которому учрежденіе приурочено, есть классъ господствующій, задаетъ тонъ обществу. Да и гдѣ черта, отдѣлявшая классъ помѣщиковъ отъ класса чиновниковъ и вообще разночинцевъ?

Такимъ образомъ, моя задача состояла не въ томъ, чтобы читать проповѣдь «о поврежденіи нравовъ». Я хотѣлъ показать, что со времени формально объявленной гражданской свободы, т. е., послѣ отмѣны крѣпостнаго права, не выработались гражданскіе нравы; что нравы крѣпостные продолжаютъ существовать, и только приспособлены къ новой обстановкѣ жизни. Вся разница лишь въ томъ, что животныя инстинкты воз-

¹⁾ Стр 821. ²⁾ стр. 827—828. ³⁾ Отвѣтъ, стр. 9.

ведены въ требованія научныхъ принциповъ; а приспособленіе сдѣлано посредствомъ разныхъ оправданій, подысканныхъ и предложенныхъ журналистикой извѣтнаго сорта и направленія. Вопросъ о добросовѣстности дѣятелей этой журналистики здѣсь совершенно безразличенъ: важны послѣдствія ихъ дѣлъ, а не свойства намѣреній. Не лишено интереса развѣ одно обстоятельство: первые и главные дѣятели живой воды вышли не изъ центральной Россіи, — откуда вышелъ кружокъ 40 г.г., — и не съ юга, гдѣ родина Гоголя.

Но если все это такъ, тогда, по сравненію съ крѣпостнымъ правомъ, не только не стало лучше, но даже хуже, какъ бы ни былъ правъ авторъ *Обозрѣнія*, когда говорить, «что идеаловъ нравственности было бы напрасно искать и въ крестьянствѣ, и въ фабричномъ людѣ, и въ сословіи городской прислуги» ¹⁾. Никто ихъ тамъ и не ищетъ, а я въ особенности мало вѣрю въ самородныя добродѣтели дѣтей природы. Но что касается нашей интеллигенціи, т. е., бывшихъ помѣщиковъ, чиновниковъ, разночинцевъ, нельзя упускать изъ виду одного. Въ старину, при крѣпостномъ правѣ, все же были заброшены сѣмена извѣстныхъ нравственныхъ понятій и представленій; такія сѣмена заносились въ душу ребенка то въ видѣ молитвы и Десяти Заповѣдей, то въ видѣ примѣра, какой подавали вѣрные калебы и набожныя няньки, иногда — въ видѣ слезъ крѣпостной женщины, горько плакавшей надъ тѣмъ, что сдѣлалъ съ ней баринъ. Для такихъ понятій удобства крѣпостнаго права были только искушеніями, но не шли на прямое ихъ отрицаніе, не возмущали ихъ ненужности и забракованности съ точки зрѣнія «по слѣдняго слова науки». Иными словами, — тогда все же иной разъ «вздрагивала спавшая совѣсть, не пропитая въ источникъ живой воды № 2.» ²⁾

Съ отмѣной крѣпостнаго права старые ресурсы (сподручные и не вызывавшіе на размышленія) исчезли; нужно было создавать ресурсы новые. Но тутъ на дорогѣ стояли *предразсудки*, и не столько у себя, сколько у другихъ: долой предразсудки! На помощь подоспѣла *Матерія и Сила* Бюхнера: по

¹⁾ стр. 828. ²⁾ Отвѣтъ, 4 изд. стр. 32—33.

ней выяснили «антропологическій принципъ философіи». Затѣмъ началась проповѣдь рефлексовъ головного мозга: психологію забраковали и замѣнили физиологіей. Послѣ такой замѣны, отъ души чѣловѣка, отъ этого «глубокаго, никѣмъ не измѣреннаго и не извѣданнаго моря» (Гегель), оставалось немного: внѣшнее впечатлѣніе и затѣмъ—удовольствіе или огорченіе отъ удовлетворенныхъ и неудовлетворенныхъ потребностей, имѣющихъ свое объясненіе въ физиологическихъ процессахъ. Все прочее въ жизни души, девять десятыхъ душевныхъ состояній, очевидно,—предразсудки, рутина «семинарскихъ тетрадокъ», негодная и несостоятельная метафизика, короче: ерунда-сь. Вмѣстѣ съ этимъ трунѣйшія задачи науки о челоѣческомъ духѣ стали товаромъ толгучаго рынка: съ ними играли всѣ, кто хотѣлъ, ихъ продавали въ обложкахъ газетъ и журналовъ. Но вѣдь такъ не играютъ: легкомысленныя попытки такъ называемой образованной публики,—особенно женщины,—вторгаться въ область «послѣднихъ вопросовъ» и подавать въ нихъ свой голосъ,—бываютъ причиной или послѣдствіемъ извѣстной распущенности». (Lazarus)

Послѣ разныхъ оговорокъ и крайне неохотно, авторъ *Обозрѣнія* все же долженъ согласиться, что фактическая часть моей брошюры не есть «аллегорія» или «шутовство», но «изображаетъ дѣйствительное явленіе русской жизни». 1) Только у него вдругъ оказывается нѣчто такое, чего я ужъ никакъ не думалъ и не думаю,—«что явленіе, сейчасъ указанное, у насъ дѣйствительно встрѣчалось и еще встрѣчается именно среди молодежи» 2). Она, эта молодежь, т. е., молодежь учащаяся, точнѣе, студенты 3), и есть тѣ «нѣкоторые неразвитые умы, лишеныя тѣхъ прочныхъ нравственныхъ основъ, которыя могутъ быть даны только семейнымъ воспитаніемъ и никогда не могутъ быть даны ни школою, ни чтеніемъ журналовъ» 4). Авторъ еще разъ повторяетъ, что среди одной молодежи «отражается и легкомысліе и нѣкоторая склонность къ распущенности, и легкое усвоеніе непонятыхъ, но бывшихъ въ ходу новыхъ идей, и даже обращеніе ихъ именно въ извиненіе животныхъ»

1) стр. 823 2) тамъ же. 3) Стр 827- 4) Стр. 823.

инстинктовъ» ¹⁾. По заявленію автора, учащаяся молодежь, т. е., студенты, и только одни они, «хватались за новыя «жалкія слова», въ родѣ «послѣднихъ выводовъ науки», «рефлексовъ головного мозга» и «эманципаціи» женщинъ, какъ за оправданіе своей нравственной запущенности, разнузданности своихъ животныхъ инстинктовъ» ²⁾.

И такъ, современные отцы ни при чемъ, непорочны какъ агнцы, чисты какъ голуби, и кромѣ молодежи, въ остальныхъ частяхъ общества все обстоитъ благополучно, какъ нельзя лучше. Одна молодежь заключаетъ фиктивные браки, пишетъ извѣстные контракты, обольщаетъ акушеровъ, ругаетъ Вирхова; отцы въ это время постятся, молятся и читаютъ Часы Благоговѣнія. Иначе впрочемъ, и быть не должно: «учащаяся молодежь,» говорится въ *Обозрѣніи*, «обыкновенно бываетъ выше и чище общества уже потому, что молодость вообще отзывчивѣе къ влеченіямъ благороднымъ, къ занятію идеями, которыя—каковы бы даже онѣ ни были — все таки оказываютъ на нравственное существо человѣка болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ житейскія дразги, нажива и безсодержательныя наши увеселенія. Сверхъ того, молодежь все таки стоитъ близко къ наукѣ, которая можетъ только возвышать человѣка», ³⁾ и т. д.

Не знаю, кому больше по вкусу выписанныя мѣста: современнымъ ли отцамъ стараго и новаго затора, или же учащейся университетской молодежи. Что до меня, я равнодушенъ ко всѣмъ этимъ тирадамъ, сваливающимъ подвиги отцовъ на не окрѣвшія плечи «учащейся молодежи». Во всякомъ случаѣ моя брошюра направлена не противъ молодежи, а противъ отцовъ; ни въ строкахъ, ни между строками нѣтъ въ ней и попытки взвалить грѣхи нынѣшнихъ отцовъ на дѣтей. Дѣлать такія попытки мнѣ не было и надобности; такъ какъ вообще мнѣ не было надобности высказывать, какъ я отношусь къ молодежи. Но дѣло не въ этомъ.

Итакъ «дѣйствительное явленіе русской жизни», изображенное въ моей брошюрѣ, не отвергается, а лишь перелagается съ больной головы на здоровую. *Обозрѣніе* не хочетъ, впрочемъ, до-

¹⁾ Стр. 823 ²⁾ тамъ же. со стр. 827 ³⁾ стр. 827

пустить, что бы «нашъ новый мыслитель» былъ способенъ своровать у вдовы-крестьянки лошадь съ упряжкой или обманомъ присвоить крестьянскія деньги ¹⁾; такой фактъ мною не выдуманъ, а вычитанъ изъ судебного рѣшенія.

Но авторъ *Обозрѣнія* пытается смягчить силу «дѣйствительнаго явленія» и поднять цѣну практиковъ «явленія» ссылкой на то, что и въ народной массѣ нравы не лучше, хотя «понятія о рефлексахъ головного мозга и самыя слова этого рода ей совершенно недоступны» ²⁾. «Сущность дѣла не въ словахъ, и совершенно все равно, прикрывается ли нравственная распущенность учеными словами или не прикрывается; во всякомъ случаѣ не эти слова служатъ источниками безнравственности, а — грубость нравовъ, отсутствіе нравственнаго элемента семьи, среди которой росли дѣти, среди которой слагался ихъ характеръ» ³⁾. Совершенно вѣрно, и все это не забыто въ моей брошюрѣ.

Но вѣрно также и другое: «дрянной человѣкъ», который, поступивши на содержаніе, «кощунственно» ссылается «на *научную* теорію борьбы за существованіе» ⁴⁾, гораздо хуже того, который въ прежнее время сдѣлалъ бы то же самое, но безъ ссылокъ на «последніе выводы науки». Едва-ли можно спорить, что вообще тотъ, кто поступаетъ скверно, имѣя готовое оправданіе въ только-что вычитанномъ «последнемъ выводѣ науки», гораздо хуже, чѣмъ тотъ, кто дѣлаетъ то же самое, но безъ всякаго оправданія въ своемъ сознаніи и совѣсти. Потому крестьянинъ, который бьетъ свою жену и живетъ со снохой, хуже того «мыслителя», что уступаетъ свою жену пріятелю или себѣ добываетъ чужую, и при этомъ (про себя и про другихъ) ссылается на послѣдніе выводы теоріи полового подбора, на практику свободной любви, какъ она примѣняется и примѣнялась у дикихъ и въ «первобытной культурѣ.» Заправскій конокрадъ опять лучше, чѣмъ тотъ дѣлатель «общаго дѣла», что воруетъ лошадь у вдовы-крестьянки и не видитъ въ этомъ ничего, кромѣ побѣды труда надъ капиталомъ. Горничная, свободная въ своихъ правахъ, все же лучше барышни, состоящей

¹⁾ Стр. 822. ²⁾ 823. ³⁾ тамъ же. ⁴⁾ 826.

въ «коммунальномъ бракѣ» разомъ со всѣми членами общины. Вятскій крестьянинъ, предлагающій сѣдоку за рубль свою дочку,—иначе парни даромъ испортятъ,—лучше того судьи, кото- рый, не стѣсняясь предразсудками, отдаетъ свою дочку жена- тому мушницѣ, хотя и по контракту съ неустойкой. А что ска- зать о «вольной автономной общинѣ», гдѣ председателю, за его труды, отдали въ его исключительное пользованіе наиболѣе свѣжую и молодую изъ дѣвицъ общины, изъятую для этого изъ общиннаго владѣнія рядовыхъ членовъ? И что сказать объ этой «дѣвушкѣ-героѣ», когда она безпрекословно исполняетъ постановленіе общины и становится предметомъ исключитель- наго обладанія для награжденнаго председателемъ, хотя не чув- ствовала къ нему даже обыкновенной склонности? Здѣсь ужъ все потеряно, все погибло,—даже съ точки зрѣнія самой увѣрен- ной и широкой теоріи исправленія. Проститутка или не думаетъ совсѣмъ, или имѣетъ извиненіе; но социальная дѣвица снабже- на цѣлымъ арсеналомъ оправданій и поощреній. Ея женствен- ность убита прикладными выводами изъ теоріи полового под- бора; ея воображеніе запачкано картинами «коммунальнаго бра- ка». Иецѣлить ее ужъ ничто не можетъ: ни суровая проповѣдь Кальвина, ни успокоительныя письма Боссюэта, ни матерински- заботливый уходъ сестры-монахини. Соберите, говоритъ авторъ *Обозрѣнія*, деревенскую молодежь на фабрику или въ огородѣ, и вы увидите, что тамъ будетъ. 1) Но и я въ правѣ сказать: соберите «интеллигентную» молодежь (обоюго пола гдѣ нибудь въ коммуны или въ ученой лабораторіи,—будетъ еще хуже, чѣмъ на фабрику или въ огородѣ. На фабрикахъ или въ огородахъ все же простоудушно *стыдятся*, а въ коммунахъ и въ лаборато- ріяхъ «кощунственно» *гордятся*, —кажется, разница?

Но «имѣла ли журналистика право игнорировать ихъ», т. е., «последніе выводы науки» и «новыя идеи»? спрашиваетъ авторъ *Обозрѣнія* 2), и, разумѣется, отвѣтъ: нѣтъ, не имѣла. Я не думалъ и не думаю, — у кого бы то ни было оспари- вать права дѣлиться съ другими тѣмъ, что онъ знаетъ самъ. Кто знаетъ последніе выводы той или другой науки и сооб-

1) 823—824. 2) Стр. 828.

щаетъ ихъ другимъ, за это благодарятъ, иногда ставятъ и памятники. Но для этого необходимо, чтобы сообщающій «последнее слово науки», самъ зналъ эту науку, особенно въ томъ случаѣ, когда слушатель или читатель сообщаемого лишенъ всякой возможности критики и повѣрки.

Но такъ ли было съ журналистикой того направленія, которое я имѣлъ и продолжаю имѣть въ виду? Ея дѣятели, предлагавшіе русской публикѣ всѣхъ возрастовъ и состояній «последніе выводы науки», на памяти у всѣхъ. Но эти дѣятели, какъ извѣстно, брали храбростью въ обращеніи съ авторитетами, а не знакомствомъ съ авторитетной литературой. Въ этомъ была ихъ сила, въ этомъ было ихъ несравненное превосходство надъ профессорами, или, какъ ихъ называетъ авторъ *Обзорнія*, — надъ «присяжными учеными». ¹⁾

Притомъ же, чтобы получить возможность говорить въ аудиторіи, необходимо стать хотя бы «присяжнымъ ученымъ» прочитать и разобрать нѣсколько десятковъ книжекъ, дать доказательство, что книжки прочитаны и поняты. Въ аудиторію на скамью слушателей пускаютъ не всякаго: нужно доказательство подготовки къ слушанію того, что говорится въ аудиторіи. Иное дѣло роль журналиста: подготовки никакой, одна развязность и бойкость, а между тѣмъ, — можно говорить не съ десятками сравнительно подготовленныхъ людей, а съ десятками тысячъ всѣхъ возрастовъ и званій. — Гдѣ же, спрашивается, нужно болѣе осторожности, мнительности, — въ рѣчи журналиста или въ рѣчи профессора?

Я тоже избѣгаю всякихъ «квалификацій», и не стану возбуждать вопроса даже о «добросовѣстности». Но остановившись на тѣхъ «последнихъ выводахъ», какими питали русскую читающую публику, не могу избѣжать термина: поддѣлка. Последніе «выводы», «последнія слова науки», не были подлинными, а поддѣланными. Поддѣланнымъ выводъ науки является тогда, когда не сообщается выводъ противоположный. Поддѣланнымъ выводъ является и тогда, когда онъ сообщается съ надлежащими умолчаніями, сокращеніями, прибавками въ видѣ увѣреній, что

¹⁾ Стр. 820.

выводы противоположные — рутина, старье, нигде уже негодное, давно забракованное. Съ какимъ презрѣніемъ, напр., довелись до свѣдѣнія русской публики критическіе отзывы о Боклѣ, сдѣланные въ самой Англій? А между тѣмъ, и послѣ *Введенія въ исторію цивилизаціи*, англичане оставили на мѣстѣ памятникъ Галламу въ соборѣ св. Павла. Поддѣланнымъ далѣе, выводъ науки будетъ и въ томъ разѣ, когда изъ умственной дѣятельности писателя, опять таки замѣчательнаго, вырывается одно обнаруженіе и пускается въ обращеніе тамъ, гдѣ ровно ничего не знаютъ о другихъ обнаруженіяхъ той же самой умственной дѣятельности. Такъ было у насъ съ Фейербахомъ: изъ десяти томовъ его сочиненій вырвали одинъ, *Сущность христіанства*. А между тѣмъ вся умственная производительность Фейербаха — ничего болѣе, какъ развитая въ одномъ направленіи частность изъ общей системы Гегеля, и самъ Фейербахъ — только одинъ изъ генераловъ Александра Макед) (отъзано Лассаль). Къ формамъ поддѣлки должны быть отнесены и тѣ случаи, гдѣ европейскимъ ученымъ подсказывали такіе выводы, которыхъ они сами не сдѣлали или даже положительно отстранили. Наконецъ, — эти переводы съ опущеніями, съ передѣлками, — что это такое, какъ не форма поддѣлки? Перечислять ли еще другія формы? Напр., — вставленіе надлежащихъ очковъ на переводимую книжку въ видѣ предисловія отъ переводчика или какого нибудь редактора? и т. п. Все это, разумѣется, дѣлали спѣшно, не замѣчая даже противурѣчій въ сообщаемыхъ выводахъ: одинъ и тотъ же «мыслитель» рекомендуетъ теорію Дарвина, построенную на законѣ Мальтуса, и *Примпчанія* къ Политической Экономіи Милля, гдѣ Миллю «утерли носъ», между прочимъ, и за признаніе закона Мальтуса. Но здѣсь же объясненіе и другаго явленія: чуть не каждый годъ на пьедесталѣ появлялись новыя фигуры, но появлялось не надолго. Такъ было съ Прудомъ, — сначала превозносили, а потомъ, — по шапкѣ, когда вышелъ четвертый томъ его *Justice*. Такъ было съ Ренаномъ, Вирховымъ, Дюбуа-Реймономъ; то же самое творится съ Гербертомъ Спенсеромъ, Миллемъ, Контомъ и кѣмъ угодно; одного Бокля спасла преждевременная смерть.

Послѣ этого, — будетъ ли далеко отъ истины сказать,

что русской публикѣ сообщались не послѣдніе выводы европейской науки, а скорѣе—выводы домашняго изготовленія? Будетъ ли натяжкой утверждать -- что «замѣчательные представители всей науки» ¹⁾ собственно неповинны въ нашей отечественной кутермѣ,—съ чѣмъ долженъ согласиться и самъ авторъ *Обозрѣнія* ²⁾,—что именами этихъ представителей злоупотребляли, что *ихъ* идеями только смачивали свои доморощенные «новыя слова науки»? Я уже не говорю, насколько авторъ *Обозрѣнія* неправъ, когда полагаетъ, ³⁾ что рационализмъ есть ничто иное, какъ «источникъ живой воды» № 1, т. е. атеизмъ. Чѣмъ же тогда занимается такъ называемая тюбингенская школа, т. е. представители рационализма въ богословіи?

Понятно, почему мнѣ не было никакой надобности ратовать противъ дѣйствительныхъ идей, дѣйствительныхъ послѣднихъ выводовъ и выступать «открытымъ обвинителемъ всей современной науки» ⁴⁾. Оставаясь открытымъ и закрытымъ поклонникомъ всякой научной мысли, всякаго вывода науки, я остаюсь совершенно логичнымъ, когда открыто возсталъ на поддѣлки и передержки, какими наполнена значительная часть нашей журналистики за послѣднія двадцать лѣтъ. Я не отказался отъ логики ученаго, «чтобы объ эту логику не споткнулся памфлетистъ» ⁵⁾. Мнѣ кажется, что ненужно ни особенной «храбрости», ни отреченія отъ логики, чтобы сказать, что, напримѣръ, знаменитое «разрушеніе эстетики» не есть часть того «рационализма», который существуетъ въ Европѣ, и значительно отличается отъ другаго рационализма, на который ссылается авторъ *Обозрѣнія*.

Но во всей этой исторіи «послѣднихъ выводовъ науки» стоитъ вниманія еще одна сторона. Я разумѣю тѣ увѣренія, будто правила общежитія и человѣческаго поведенія должны измѣняться съ каждымъ новымъ выводомъ науки. Это значило-бы: ставить самые основные и дорогіе интересы людей въ зависимость отъ книжныхъ каталоговъ, измѣнять нравы и формы общежитія съ каждой новой книжкой, иногда — съ новымъ изда-

¹⁾ стр. 830. ²⁾ стр. 829. ³⁾ стр. 829. ⁴⁾ тамъ же. ⁵⁾ тамъ же.

ніемъ книги? Но я спрашиваю, измѣнилось ли что нибудь въ нравственныхъ понятіяхъ, общественныхъ правахъ и политическихъ воззрѣніяхъ англичанъ съ тѣхъ поръ, какъ Дарвинъ опубликовалъ свои изслѣдованія относительно происхожденія видовъ, а Ливингстонъ и другіе — свои наблюденія надъ первобытными народами? Ничего подобнаго не случилось, не смотря на то, что Англія — родина Бэкона и Локка, родоначальниковъ современнаго раціонализма, хотя и не того раціонализма, который принятъ подъ защиту авторомъ *Обозрѣнія*? Ни въ Англіи, ни гдѣ бы то ни было, гдѣ есть въ самомъ дѣлѣ наука и нѣтъ нашего отечественнаго раціонализма, не думаютъ объявлять предразсудками нравы и формы общежитія, критиковать и разрушать ихъ на основаніи послѣднихъ выводовъ зоологіи, антропологіи, этнографіи, и т.п. Юридическій, общественный и политическій бытъ цивилизованныхъ народовъ есть необозримая связь особыхъ явленій и взаимодействій, которыя составляютъ матеріаль другихъ, особыхъ отраслей знанія. Въ этихъ другихъ отрасляхъ возможны и бывають свои теоріи, свои выводы; но лишь представши бытъ теоріями и ставши *предразсудками* (Тэнъ), — слѣдовательно, не такъ скоро, — выводы измѣняютъ общественный бытъ въ общемъ и въ частностяхъ.

Таковы тѣ «послѣдніе выводы науки» и то обращеніе съ ними, на которые указано въ моей брошюрѣ. Только слѣпой могъ не замѣтить, за чтѣмъ и противъ кого я ратую: какъ всего этого не замѣтилъ авторъ *Обозрѣнія*, рѣшать не берусь, такъ какъ, не будучи записнымъ русскимъ публицистомъ, не усвоилъ себѣ ни теоріи заказа, ни теоріи союзовъ.

Повторяю еще разъ, что русская журналистика, — къ счастью не вся, — двадцать лѣтъ, или около того, сообщала русской публики не всѣ послѣдніе выводы науки, и не въ ихъ подлинномъ видѣ; что успѣхъ этой журналистики объясняется не свѣжестью и новостью сообщенныхъ ею «новыхъ идей», а тенденціей — сообщать (искаженно и съ выборомъ) лишь то, чтѣмъ отвѣчаетъ натуральной необузданности животныхъ инстинктовъ, остающейся какъ черная немочь крѣпостнаго права. Вотъ въ какомъ смыслѣ авторъ *Обозрѣнія* исполнилъ правъ, когда говоритъ, что русское

«общество вынуждено было искать у журналистики, для удовлетворения действительных своих потребностей, много такого, чего оно не могло ни искать у профессоровъ, ни требовать отъ нихъ» ¹⁾. Это общество только что вывели изъ подъ крѣпостнаго права, которое, по словамъ самаго же автора *Обозрѣнія*, «выросло въ ничего-недѣланіи три четверти» нашей «нынѣшней интеллигенціи, происходящей отъ разночинцевъ,» «обучило мѣщанъ пьянству, купцовъ обжорству, а дворянъ-карьеристовъ — выходу въ люди черезъ сводничество своихъ женъ и женитбу на любовницахъ знатныхъ лицъ» ²⁾. Уже по одной такой характеристикѣ общества, можно съ точностью опредѣлить, каковы были тѣ «действительныя потребности», удовлетворенія которыхъ общество вынуждено было искать у журналистики. Съ какимъ радушіемъ и старательностью журналистика удовлетворяла «действительныя потребности», это слишкомъ на памяти у всѣхъ, и слишкомъ даетъ себя чувствовать въ той умственной и нравственной анархіи, въ которой теперь мечется русское общество.

Но авторъ *Обозрѣнія* убѣжденно и самоувѣренно дѣлаетъ мнѣ такой вызовъ: «пусть г. Цитовичъ прямо укажетъ, въ какихъ органахъ проводились мысли, что рефлексы головного мозга, борьба за существованіе, гнетъ капитала надъ трудомъ и уравненіе женщинъ оправдываютъ похищеніе у крестьянки-вдовы (!) запряженной лошади, поступленіе женщинъ и мужчинъ на содержаніе и подведеніе казеннаго ящика подъ обшій владѣніе? Нужно-ли говорить, что такихъ органовъ не было?» ³⁾. Еще бы! Но въдъ я и не говорилъ, что журналистика занималась подстрекательствами на кражи, растраты казенныхъ суммъ и другія преступленія, предусмотрѣнныя въ занумерованныхъ статьяхъ Уложенія о наказ.; не говорилъ ничего подобнаго точно также, какъ нигдѣ не противопоставлялъ русской беллетристики — нравственному богословію ⁴⁾. Но я говорилъ и говорю, что тѣ примѣненія теоріи рефлексовъ головного мозга, какія проповѣдывались въ журналистикѣ, упраздняли различіе

¹⁾ стр. 821. ²⁾ стр. 830. ³⁾ стр. 828. ⁴⁾ стр. 820.

между добромъ и зломъ; что война противъ собственности, объявленная и веденная подъ видомъ журнальной борьбы труда съ капиталомъ, возводитъ удавшуюся кражу на степень выигранной битвы за существованіе, что проповѣдь объ уравненіи женщинъ въ смыслѣ ихъ *одинаковости* съ мужчинами, ведетъ къ упраздненію тѣхъ задержекъ разнузданнымъ похотямъ, какія ставятся уваженіемъ къ женщинамъ и ея стыдливостью. Въ этомъ отношеніи нельзя предъявить подобныхъ обвиненій противъ нравственнаго богословія. А если такъ, то какъ профессоръ и какъ «памфлетистъ», я получаю право «относить оправданіе воровства лошади у крестьянки-вдовы къ русской журналистикѣ» ¹⁾. И если бы понадобились доказательства, представить ихъ не особенно трудно: стоитъ только публиковать нѣчто въ родѣ хрестоматіи «новаго слова», расположенной въ порядкѣ источниковъ «живой воды». Подобрать нужные здѣсь образцы очень легко, трудно будетъ развѣ сдѣлать надлежащій выборъ въ этой необозримой коллекціи.

Но и до появленія предполагаемаго сборника обращиковъ новаго слова, смѣю думать, что «абсурдъ» моихъ обвиненій на извѣстную часть нашей журналистики очевиденъ не въ такой степени, какъ абсурдъ автора *Обзрѣній*, когда онъ старается свалить доблести скороспѣлыхъ русскихъ соціологовъ, антропологовъ, теоретиковъ полового подбора, коммунальнаго брака и т. п., — то на европейскій рационализмъ, то на русское простонародье, то, наконецъ, на русскую университетскую молодежь. Но я не думаю отрицать той заслуги журналистики, на которую не безъ гордости указано въ *Обзрѣніи*, именно: что въ теченіи «16-ти лѣтъ, со времени 19 февраля 1861» она проводила въ сознаніе общества необходимость отмѣны «крѣпостнаго права», т. е. послѣ того, какъ оно было уже отмѣнено,—и воспитывала хорошихъ мировыхъ посредниковъ послѣ того, какъ они оказались уже ненужными ¹⁾. Безспорно, что отмѣну крѣпостнаго права сдѣлали не Пугачевъ и не соціалисты; ²⁾ но и не журналисты. Дѣло слишкомъ недавно, записано въ подлинныхъ

¹⁾ стр. 826, ²⁾ стр. 837,

документахъ, и мы знаемъ доподлинно, кто настоящій виновникъ освобожденія крестьянъ, чей умъ понялъ вредъ крѣпостнаго права для Россіи, чье сердце не вынесло господства челоуѣка надъ челоуѣкомъ. — Пойдемъ далѣе.

«Никто доселѣ не занялся изслѣдованіемъ семейной жизни въ Россіи и исторіи умственнаго развитія дѣтей, забываемыхъ семьею. Вотъ гдѣ истинный нашъ нигилизмъ». «Мы должны откровенно признаться, что семья нѣмецкаго колониста есть болѣе живой, болѣе связующій своихъ членовъ, болѣе нравственно-дѣйствующій организмъ, чѣмъ семья нашего чиновника или купца». Прочныя нравственныя основы «могутъ быть даны только семейнымъ воспитаніемъ и никогда не могутъ быть даны ни школою, ни чтеніемъ журналовъ» (1). Кто это такъ говоритъ? Ужъ не одинъ ли изъ тѣхъ консерваторовъ, съ которыми теперь я «вступилъ въ союзъ», и которые «силятся доказать прелесть кисейныхъ барышень», но «силятся» безуспѣшно? Нѣтъ, въ превосходствѣ семьи нѣмецкаго колониста откровенно признается все тотъ же авторъ *Обозрѣнія*, которому не доказали прелести кисейныхъ барышень. (2) Неубѣдительно, говоритъ авторъ, «грязныя юпки», «зеленоватый цвѣтъ лица», «стрижка волосъ», и все такое, чѣмъ хотятъ оттѣнить прелесть «кисейныхъ барышень». Но хотя споръ о сравнительныхъ качествахъ социальныхъ дѣвицъ и кисейныхъ барышень, повидимому, рѣшенъ уже окончательно и рѣшенъ людьми компетентными: все же еще не совсѣмъ поздно пересмотрѣть такое рѣшеніе; оно постановлено наскоро, по однимъ предписаніямъ отечественнаго раціонализма. Рѣшеніе постановили слишкомъ заинтересованныя въ дѣлѣ лица, какъ это и показано въ Отвѣтѣ, въ описаніи источника № 5.

Источникъ № 5 не забыть у меня прежде всего потому, что вмѣстѣ съ авторомъ *Обозрѣнія*, я высоко ставлю значеніе семьи во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ и для всѣхъ тѣхъ цѣлей, на которыя указываетъ *Обозрѣніе*. «Отсутствіе нравственнаго вліянія семьи, дикость», «истинный нигилизмъ», только что выставленный авто-

1) стр. 825, 823. 2) стр. 822—823.

ромъ, — вотъ откуда, и по моему мнѣнію, «происходить и то, что мы такъ мало дорожимъ умственнымъ интересомъ, и такъ легко мнѣемъ убѣжденія, которыя носимъ только напоказъ, и что поэтому въ насъ такъ мало того элемента, который предохраняетъ человѣка отъ впаденія въ жизнь чисто-животную» ¹⁾. Это опять говоритъ не редакторъ Московскихъ Вѣдомостей, которыя «силятся», и т. д., но авторъ *Обзорнія*; опять заявляю согласіе, хотя и не «вступилъ» съ нимъ «въ союзъ».

Но тогда ничего нѣтъ удивительнаго, что уже изъ-за одной важности, какую мы оба, т. е. авторъ *Обзорнія* и я, придаемъ значенію семьи, источникъ № 5 описанъ подробнѣе другихъ №№, не говоря уже о томъ, что «живая вода» изъ этого Sprudel'я есть премія за посвященіе №№ предыдущихъ.

Устройство и приведеніе въ порядокъ семьи — дѣло первой важности для гражданского порядка. Но семья не можетъ устроиться тамъ, гдѣ женщина развращена въ дѣтствѣ сценами домашнихъ безобразій, примѣрами безпутнаго отца и безтолковой матери; а въ ранніе годы женской жизни отравлена «последними выводами» въ родѣ тѣхъ, какіе изложены и пояснены, напр., въ романѣ: «Что дѣлать»? И пока не устроена семья, общество будетъ оставаться при «истинномъ нигилизмѣ».

И дѣйствительно, за время послѣ отмѣны крѣпостнаго права и до сихъ поръ семьи не устроили, не смотря на всю войну, поднятую противъ «кисейныхъ барышень». И теперь, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, все же «счастливыя исключенія» ²⁾ — тѣ рѣдкіе случаи, гдѣ русская семья можетъ поровняться съ семьею нѣмецкаго колониста. Но въ тѣхъ слояхъ общества, куда проникла «живая вода» и насколько она проникла, стало еще хуже, чѣмъ было въ недавнюю старину. Привычная пустота замѣнилась пошlostью, мотивированной ссылками на «последніе выводы науки», изложенные въ критическомъ или ученомъ отдѣлѣ только что прочитаннаго журнала. Во всякомъ случаѣ еще вопросъ, кто лучше: тѣ ли женщины, которыя обмѣниваются «взглядами» ³⁾ или же тѣ, чтó обмѣниваются мужьями и муштинами,

1) стр. 826. 2) стр. 825. 3) стр. 825.

поощренныя примѣромъ подлинной или скопированной «образцовой пары». Еще вопросъ, что враждебнѣе устройству семьи — желаніе ли имѣть «новую шляпку» ¹⁾, или поспѣшность — поскорѣе на опытѣ узнать всю практику полового подбора и сытость коммунальнаго брака? Мало того: не грѣхъ думать, что «новая шляпка» къ лицу нисколько не мѣшаетъ «чистымъ пристрастіямъ къ литературѣ, къ наукѣ, къ искусству». ²⁾ Развѣ «чистыя пристрастія» уживаются только подъ стрижкой въ скобку, съ которой лѣзетъ баранья шапка, помятая равноправными товарищами? «Кисейность» едва-ли мѣшаетъ дѣвушкамъ — въ свое время стать нравственно-сильной женщиной: вѣдь еще не доказано, что женское мужество непремѣнно должно щеголить въ дубленкѣ, въ нагольномъ тулупѣ и влѣзать въ ботфорты съ мужскими каблуками. И подъ шляпкой къ лицу можетъ удобно укрыться тонкій умъ, развитой эстетическій вкусъ, любовь къ искусству, «чистое пристрастіе къ литературѣ, къ наукѣ»; а подъ красивой кофтой и чистой рубахой можетъ биться честное, любящее и благородное сердце. Ничему такому не мѣшаетъ «новая шляпка», купленная для себя или для малютки-дочери; мало того: въ дѣйствительности всѣ сказанныя качества гораздо чаще встрѣчаются подъ шляпками къ лицу и чистыми кофтами, чѣмъ подъ бараньими шапками и дырявыми пледами. Да и на что всѣ эти манифестации мужественности? Въ мужскихъ сапогахъ и въ мужскомъ тулупѣ узнается женщина-работница лишь въ томъ случаѣ, если тулупъ и сапоги надѣты по недостатку обуви и теплой одежи въ семьѣ. Иное дѣло, когда такъ *наряжаются*, чтобы скрыть фальшивый паспортъ или парадировать по улицамъ: такой парадъ — по меньшей мѣрѣ, самое «безсодержательное» изъ «нашихъ увеселеній» ³⁾.

Какъ бы то ни было, ни я и, вѣроятно, никто изъ тѣхъ ретроградовъ, съ которыми я вступилъ въ союзъ по вопросу о «новой шляпкѣ», не думали и не думаемъ защищать страсть, къ картежной игрѣ, къ нарядамъ, къ шаганію по магазинамъ и по моднымъ минерашкамъ. Но все это по меньшей мѣрѣ стоитъ

¹⁾ стр. 825. ²⁾ тамъ же. ³⁾ стр. 227.

другаго: когда вечеръ проводится не въ клубѣ за картами, а въ коммунахъ за наборомъ какой нибудь прокламаціи; когда придумываютъ, какъ бы почудовищнѣе изувѣчить свою фигуру, чтобъ лаяли собаки и пугались дѣти; когда шныряютъ въ розыскахъ, гдѣ склады «хитрой механики»; когда гоняютъ изъ города въ городъ въ поискахъ за другими «минерашками», и чуть не каждаго встрѣчнаго распрашиваютъ, гдѣ «такой профессоръ, который, говорятъ, уже доказалъ на лекціи, что Бога нѣтъ». — Въ концѣ концовъ, — разницы нѣтъ между матерью которая отбивалась отъ своихъ обязанностей, и дочкой, которая дѣлаетъ какъ разъ то же самое. Обѣ онѣ убѣждены въ предустановленности особаго класса существъ, изначала обреченныхъ быть для нихъ кухарками: но мать ссылалась на то, что она барыня; а дочка ссылается на свое высшее назначеніе женщины, въ которомъ отказано кухаркамъ. Обѣ онѣ въ сущности пропитаны крѣпостнической вѣрой въ низшую породу кухарокъ; и разница лишь въ томъ, что у матери была крѣпостная гапка (своя или чужая, все равно); у дочки же гапки или совѣтъ нѣтъ, или и есть, — но теперь гапка свободная, т. е., зубастая, не дается въ обиду, и защищаясь, легко можетъ перейти въ наступленіе. Какой же прокъ отъ того, что и женщину журналистка «старалась по мѣрѣ возможности завлекать въ сферу умственныхъ интересовъ»?¹⁾ —

Здѣсь я могъ бы покончить свою рѣчь; но въ моихъ ушахъ невольно раздались заключительныя слова третьей части *Обозрѣнія*, — что «тамъ», въ Финляндіи «молодежь остается молодою — и больше ничего, спокойно ожидая своей легкой череды начать общественное служеніе». Въ раздумь надъ этими словами, перелистываю первую часть *Обозрѣнія*, всего 12 страницъ, и къ немалому удивленію замѣчаю, что слово «молодежь» такъ и мелькаетъ: «молодежь» выставлена въ сочетаніяхъ различныхъ эпитетовъ и въ различныхъ сопоставленіяхъ. Оказывается, что я, безъ моего вѣдома и согласія, «обвиняю русскую современную молодѣжь огуломъ какъ она есть»,

¹⁾ стр. 825.

что я, — опять таки безъ моего вѣдома и согласія, — «пред-принялъ карать» «ту часть молодежи», которая и проч., — что я ратую «противъ распущенности молодежи» ¹⁾ что мои «обвиненія не могутъ падать спеціально на молодежь» ²⁾, а тѣмъ болѣе — на тѣхъ «многихъ» изъ молодежи, которые «переносили страшныя лишенія и вели труженническую жизнь, чтобы имѣть возможность учиться» и «честно» «трудиться, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ» ³⁾. Да это что же, — настоящій Иродъ: избиваетъ младенцевъ, и тѣмъ обездоливаетъ отечество, лишаетъ родную землю «цвѣта и надежды», «будущихъ слугъ ея собственною силой, ея преусибянія и свободы». Хорошо, что все это оказывается, ... не въ моей брошюрѣ, а въ представленіяхъ автора *Обозрѣнія*. Но выше мы видѣли, что въ *Обозрѣніи* «молодежь» привлечена и для другой цѣли, — чтобы «именно среди молодежи» помѣстить «одно дѣйствительное явленіе, «именно»: что нѣкоторые неразвитые умы, лишеныя тѣхъ прочныхъ нравственныхъ основъ, которыя могутъ быть даны только семейнымъ воспитаніемъ и никогда не могутъ быть даны ни школою ни чтеніемъ журналовъ, хватались за новыя «жалкія слова», въ родѣ «послѣднихъ выводовъ науки», «рефлексовъ головного мозга» и «эманципаціи женщинъ, какъ за оправданіе своей нравственной запущенности, разнузданности своихъ животныхъ инстинктовъ».

Оказывается, что единственно среди молодежи «отражается и легкомысліе, и нѣкоторая склонность къ распущенности, и легкое усвоеніе непонятыхъ, но бывшихъ въ ходу новыхъ идей, и даже обращеніе ихъ именно въ извиненіе животныхъ инстинктовъ» ⁴⁾. Оказывается далѣе, что студенты ругаютъ Вирхова, обольщаютъ акушеровъ, хотя все-таки они выше «тѣхъ судей», которые и проч. И все это оказывается не въ моей брошюрѣ (гдѣ даже слово молодежь употреблено чуть ли не одинъ разъ), а въ показаніяхъ автора *Обозрѣнія*. Но онъ не забываетъ утѣшить «русскую современную молодежь». Впервыхъ, она,

¹⁾ стр. 820—821. ²⁾ стр. 824. ³⁾ стр. 827—828. ⁴⁾ стр. 823.

эта молодежь, все же лучше остального общества, хотя въ остальномъ обществѣ (хорошо же оно!), кромѣ молодежи, «дѣйствительное явленіе» не встрѣчалось и не встрѣчается¹⁾. Вотъ-рыхъ, «университетская молодежь прежняго времени» была не лучше молодежи современной, не говоря уже о кадетахъ прежнихъ и новыхъ.²⁾

Значить,—и въ лобъ и въ затылокъ. Молодежь хороша, и я несправедливо на нее нападаю (чего я и не дѣлалъ); молодежь, одна она, практикуетъ «одно дѣйствительное явленіе», и потому я «своей брошюрой весьма нечувствительно обогатилъ обличительную литературу вопроса о «нигилизмѣ» и «нигилистахъ»³⁾. Стоитъ, въ самомъ дѣлѣ, поднимать гвалтъ, что какой-то студентъ (у меня значится не студентъ, а журналъ, органъ новой мысли⁴⁾) обругалъ Вирхова или оболъстилъ акушерку (опять у меня не студентъ): извѣстно,—молодость, блазни.

Но я опять вспоминаю: «тамъ», въ Финляндіи, «молодежь остается молодою», и т. д.

Отчего же Россія не принадлежитъ къ числу тѣхъ «счастливыхъ странъ», гдѣ «молодежь остается молодою — и больше ничего, спокойно ожидая своей нелегкой череды начать общественное слѣженіе?» Почему именно русская молодежь лишена этихъ двухъ качествъ: молодости и способности спокойно выжидать? Кто виноватъ въ этомъ? Главнымъ образомъ виноваты журналисты и публицисты извѣстнаго сорта. Они ввели ту двойственность обращенія съ молодежью, которая, наравнѣ съ куплетами, заказами и союзами, очевидно, стала однимъ изъ общепринятыхъ приемовъ литературной полемики, если встрѣчается на страницахъ журнала, неспособнаго на такіе приемы. Такая двойственность вотъ въ чемъ: а) за недостаткомъ аргументаціи, побивать противника ссылками на молодежь; б) общественныя безобразія приписывать одной молодежи, ее одну выставявъ солидарною съ безобразіями и, слѣдовательно, отвѣтственною за нихъ. Но такъ какъ для подобной отвѣтственности и русская

¹⁾ стр. 823. ²⁾ стр. 827. ³⁾ стр. 825. ⁴⁾ Отвѣтъ, стр. 20.

молодежь все же молода; то и выходить, что отвѣчать некому; отсюда,—что и безобразій нѣтъ, а такъ,—одни шалости молодежи.

Такой приемъ двойственнаго обращенія не-въ-мѣру примѣненъ авторомъ обозрѣваемого *Обозрѣнія*, и больше всего не-пріятно поражаетъ на страницахъ Вѣстника Европы. Съ одной стороны, ровно безъ всякаго, даже самаго отдаленнаго повода,—привлечена молодежь какъ *ultima ratio* всего спора. Но съ другой стороны, на-счетъ молодежи выбѣлены отцы стараго и новаго затора, отцы крѣпостной заправки съ отцами выдѣлки на источникахъ «живой воды». Хорошо или нѣтъ мое зеркало, но все же оно отражаетъ фizioноміи различныхъ возрастовъ: и вотъ зеркало закрываютъ, увѣряя, что въ немъ можетъ узнать себя развѣ «нынѣшній типическій нигилистъ, въ блузѣ и длинныхъ сапогахъ»¹⁾.

Откуда же и какъ произошла такая своеобразная манера обращаться съ молодежью, — звать къ ней въ качествѣ высшей инстанціи и еѣ же брать козломъ отпущенія за чужіи провинности?

Чтобы отвѣтить на вопросъ, нужно возвратиться къ той же эпохѣ, которая должна быть признана раздѣльной чертой, отдѣляющей нашу современность отъ недавняго прошлаго, т. е. къ эпохѣ отмѣны крѣпостнаго права. Тогда контрастъ двухъ поколѣній стоялъ рѣзко, былъ отмѣченъ не однимъ возрастомъ и метрическими книгами, а важнѣйшимъ переворотомъ въ общественномъ строѣ, — упраздненіемъ крѣпостнаго права. По ту сторону раздѣльной черты стояли *отцы*,—все поколѣніе, отвѣдавшее вольностей крѣпостнаго права, въ распахъ застигнутое реформой, для которой оно не готовилось и не способилось. По сю сторону черты стояли *дѣти*, т. е. не всѣ тѣ, кто не достигъ извѣстнаго возраста, начиная отъ грудныхъ младенцевъ, а лишь тѣ, чей умственный и нравственный ростъ долженъ былъ заканчиваться при дѣйстви новыхъ порядковъ, кто долженъ былъ вступить въ эти порядки, не испортившись практи-

¹⁾ стр. 827.

кой порядковъ крѣпостныхъ. Вотъ на этихъ дѣтей тогда возлагались самыя розовыя надежды; хотя какъ видимъ теперъ, эти надежды не оправдались: тогдашнія дѣти, а нынѣ—отцы новаго затора, оказались ужъ никакъ не лучше своихъ отцовъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, опытъ послѣднихъ двадцати лѣтъ: новые отцы только вертлявѣе, иногда — плюгавѣе, но бездѣльничаютъ по-старому.

Какъ бы то ни было, въ умахъ отцовъ конца 50 и начала 60 г.г. бродило темное сознаніе своей гаремной дряблости, негодности для новаго порядка, рассчитаннаго на строгую отвѣтственность, на бдительный умъ, настойчивую и послѣдовательную волю. Изъ такого то смутнаго сознанія, не лишеннаго нѣкоторой трагичности самоотреченія, выходили всѣ эти «воззванія къ молодому поколѣнію» съ различнымъ содержаніемъ и разнообразными заглавіями. Молодое поколѣніе торопили взять новое дѣло въ свои руки, выполнить его возможно лучше, хотя и по рецентамъ, какіе составлялись нѣкоторыми изъ фантазировавшихъ отцовъ.

Вотъ такимъ то образомъ молодежь начала 60 г.г., была поставлена въ положеніе какой-то общественной партіи, однородной по ея составу, такъ какъ признаки принадлежности къ этой партіи весьма просты: молодость, т. е., несовершеннолѣтіе, и неоконченное обученіе. И затѣмъ,—ужъ всѣ согласились, что эта партія,—притомъ, единственная,—отличается честностью и неподкупностью, неспособна идти «на компромиссы»... съ инспекціями учебныхъ заведеній. Но партія была слишкомъ юная, неопытная; нужно было «развить» ее. За развитіемъ дѣло не стало: дѣтямъ предложили «послѣдніе выводы науки» и пригласили къ посѣщенію остальныхъ четырехъ источниковъ, приспособивши источники къ возрасту и потребностямъ юныхъ пациентовъ. Журналистика (опять не вся) на-перебой старалась, какъ умѣла: популяртизировала «послѣднія слова науки» и предлагала свои «новыя идеи»¹⁾, вмѣсто.... овсянаго киселя и манной каши.

¹⁾ стр. 828.

На-скоро «развитая», молодежь объявлена какой-то высшей инстанціей, способной непрерываемо разрѣшать все сомнѣнія и недоумѣнія. Своимъ «да» она можетъ закрыть лысину въ аргументаціи, а своимъ—«нѣтъ»—можетъ отвергнуть и четыре правила арифметики. Инстанція объявлена непогрѣшимой въ рѣшеніи всехъ вопросовъ политики, философіи, нравственности, педагогій, и даже акушерства. Она непогрѣшима, ибо въ ней, и только въ ней, самородная голубиная чистота; потому, — ея инстинкты безошибочны, ея ощущенія возвышенны. Слѣдовательно, эти инстинкты, эти ощущенія съ избыткомъ замѣняютъ явныя качества, которыхъ не имѣли отцы: хладнокровіе, разсудительность, умѣнье владѣть собою, способность цѣлесообразно дѣйствовать и рѣшаться не сразу,—но рѣшившись разъ,—упорно стоять на своемъ.—Такова была пѣсня, какую (и прямо въ уши) пѣли дѣтямъ начала 60 г.г. Пѣсню тянули все, кому хотѣлось дешево заслужить титулъ либерала и друга молодаго поколѣнія, или, — что все равно, — вмѣсто рамса сыграть въ молодежь.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ. А между тѣмъ, давно затянутая пѣсня однообразно звучитъ и по сей день, хотя теперь уже нѣтъ ровно ничего такого, что хоть сколько нибудь оправдывало бы эту зловѣщую пѣсню. Дѣти 60 г.г. давно уже стали отцами; послѣ нихъ выросло и выучилось не одно поколѣніе. Теперь разница между отцами и дѣтьми—только возрастъ съ его обыкновенными послѣдствіями, въ смыслѣ гражданскаго совершеннолѣтія и несовершеннолѣтія; но теорія «правъ молодежи» остается одна и та же. — Посмотримъ, однако, въ какой мѣрѣ эта теорія отвѣчаетъ дѣйствительному положенію вещей нынѣ, т. е. наканунѣ 1879 г.

Что въ Россіи, какъ и вездѣ, населеніе распадается на группы по возрастамъ, начиная отъ годовалыхъ дѣтей до столѣтнихъ старухъ и старцевъ, въ этомъ, казалось бы, нѣтъ еще никакой особенности, отличающей Россію, положимъ, отъ Финляндіи. Незначительная доля той части населенія, которая въ общемъ достигла возраста несовершеннолѣтія, т. е. 17—21 года, обучается въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ свѣтскаго вѣдом-

ства, или точнѣе,—вѣдомствъ. Въ этомъ тоже нѣтъ ничего особеннаго, напр., сравнительно съ Финляндіей; разница развѣ въ томъ, что въ Финляндіи такая доля гораздо выше. Эта молодежь, т. е. учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—главнымъ образомъ въ университетахъ,—разумѣлась и разумѣется подъ той молодежью, которую обыкновенно призываютъ спасать если не отечество, то редакціи «либеральныхъ» газетъ и журналовъ. Воспитанниковъ духовныхъ академій обыкновенно оставляютъ въ покоѣ; а попытки «завлечь» деревенскихъ парней и дѣвокъ «въ сферу умственныхъ интересовъ» тоже не увѣнчались особымъ успѣхомъ. Не особенно «отзывчивы» къ этимъ умственнымъ интересамъ фабричный людъ и городская прислуга; тѣ, какъ это говоритъ и самъ авторъ *Обзорня*, обходятся безъ «жалкихъ словъ», въ родѣ «рефлексовъ головного мозга», «последняго слова науки» и т. п. Но за то «отзывчивыми» общаются статьи гимназисты и гимназистки; особенно на послѣднихъ надежды видѣ сомнѣнія: для нихъ вѣдь есть специальный источникъ: дамскій вопросъ.

Но пока, т. е. до рѣшительнаго вступленія гимназистовъ и гимназистокъ «въ сферу умственныхъ интересовъ», все же число «учащейся молодежи» въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, при 6 университетахъ (кромѣ Варшавскаго), около 8 т. Таковъ возможно большій контингентъ этой своеобразной общественной партіи, при 80 милл. всего населенія Россіи. По своей численности, это такая группа населенія, которая и при самомъ широкомъ примѣненіи избирательнаго права, не могла бы имѣть отъ себя даже одного представителя. Я уже не говорю о томъ, что большинство членовъ этой партіи своимъ возрастомъ не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, какими обставляется самое демократическое право общей подачи голосовъ. Но кромѣ того: было бы несправедливо утверждать, что *активный* составъ партіи или даже вся она слагается изъ *всей* учащейся молодежи. Нѣтъ,—большинство учащейся молодежи хочетъ спокойно учиться, и дѣйствительно учится; но учебные интересы этого большинства постоянно въ опасности — быть скомпрометтированными въ судоргахъ такъ называемаго «интел-

лигентнаго меньшинства», которое составляютъ всё, поступающее въ университетъ только для окончанія курса. Праздное, и потому «отзывчивое» на всё нечистыя вліянія, на всё слухи и сплетни, идущія изъ источниковъ домашняго и внѣшняго свойства, это «интеллигентное меньшинство» всегда готово взбударажиться, не задумается выкинуть какой угодно скандалъ, лишь бы только вызвать «шумъ», отличиться предъ кѣмъ нужно, заслужить одобрителный адресъ, похвалу ближайшихъ подстрекателей и поощрителей. Къ несчастію, Уставъ 1863 г., и въ особенности позднѣйшія распоряженія, поставили университетскую молодежь въ такія условія, что спокойное и занятое большинство не имѣетъ средствъ и возможности сдерживать скандалы меньшинства, держать въ уздѣ эту буйную вольницу, дѣйствующую, впрочемъ, безъ полнаго разумнія.— Послѣ такого вычета суммы толковыхъ и рабочихъ студентовъ изъ *всей* массы студентовъ, дѣйствительный составъ этой зелено-молодой партіи сводится къ довольно скромной цифрѣ.

Но страдаютъ не только интересы всей учащейся молодежи: съ кѣмъ трудно справиться рядовыми средствами, на того могутъ напустить «учащуюся молодежь». Ее съумѣютъ убѣдить, что подъ нее подкапываются, что посягаютъ на то, «чему всегда сочувствовала и сочувствуетъ лучшая часть молодежи», что встаютъ «темныя силы», что на нее смотрятъ если не 40 вѣковъ съ высоты пирамидъ, то 40 сороковъ товарищей обоого пола съ высоты учебныхъ скамей, что *дѣйствовать* нужно. Ну, и начинается дѣйствіе: бѣготня, сборы на сходку, совѣщанія: т. е. ревъ, топотъ, прыганье другъ другу черезъ головы, настоящая пляска ошалѣвшихъ хлыстовъ! Наконецъ, планъ дѣйствія обсужденъ, его проголосовали, т. е. прогорланили, не забываясь объ особенной внятности и даже звуковой членораздѣльности криковъ. Теперь наступаетъ самое дѣйствіе, или какъ его называютъ, «волненіе умовъ молодежи». Волненіе нужно успокоить во что бы то ни стало, цѣной какой угодно жертвы. Но кого принести въ жертву? Конечно, виновника, т. е. того, кто (безъ собственнаго вѣдома и согласія) попалъ въ убійцы и клеветники молодежи. Здѣсь ужъ ни слова въ оправданіе, ни вздоха въ за-

щиту; жертва нужна и нечего упираться: неспокоенъ какой-то идолъ, неизвѣстно даже изъ какого металла. Мало того: нѣтъ надобности ждать, пока наступитъ «волненіе умовъ»; достаточно и того, что оно *можетъ* наступить. Оно, дѣйствительно, можетъ наступить, — его можно вызвать, и такое искусство имѣеть своихъ специалистовъ и свои незамысловатые способы технической ловкости. Вѣрно во всякомъ случаѣ то, что иной разъ въ храпѣннѣ встревоженнаго идола слышится явственный шопотъ суфлера, а за его торсомъ и треножникомъ мелькають знакомыя тѣни. Но кто станетъ разбирать настоящую причину этого «волненія умовъ»? Кто станетъ розыскивать секретную пружину и выслѣживать скрытый приводъ? Какъ извѣстно, въ политикѣ причины *кажуціяся* нерѣдко замѣняютъ причины дѣйствительныя.

Такое привлеченіе молодежи въ дѣла, для нея собственно неинтересныя и постороннія, очевидно, возможно лишь тамъ, гдѣ общественная жизнь состоитъ въ сущности изъ упражненій довольно невиннаго свойства. Оставимъ въ сторонѣ игру политическихъ партій и страстей: но и въ борьбѣ литературныхъ мнѣній и направленій молодежь остается въ сторонѣ хотя бы въ той же Финляндіи или гдѣ угодно. Въ Финляндіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, журналистъ, публицистъ соображается съ другими интересами, но ужъ никакъ не справляется о томъ, какого мнѣнія будетъ учащаяся молодежь. Развѣ тамъ, гдѣ происходитъ борьба національностей, въ борьбу увлекають и молодежь. Но безъ этого, хотя бы въ той же Финляндіи, гдѣ «молодежь остается молодою» и т. д. — литературныя и другія безкровныя битвы ведутся своими бойцами на собственный счетъ и рискъ, безъ всякихъ паевъ для молодежи, — на такихъ паяхъ молодежь только теряетъ. А между тѣмъ, въ Финляндіи и не въ Финляндіи, — вездѣ, гдѣ «молодежь остается молодою» и т. д. — скорѣе правдоподобно положеніе, что по своимъ инстинктамъ и стремленіямъ молодежь должна быть выше того общества, среди котораго она растетъ. Вѣдь «законъ природы, на которомъ основано дальнѣйшее совершенствованіе челоуѣчества» ¹⁾, далеко

¹⁾ стр. 827.

не такъ безусловенъ и не вполне годенъ для правильной оцѣнки двухъ идущихъ одно за другимъ поколѣній. Впервыхъ, качества молодежи зависятъ отъ того, въ какой обстановкѣ прошло ея дѣтство: здѣсь-то рѣшающее вліяніе оказываютъ семья и школа. А вторыхъ, чтобы знать, какова молодежь данного времени, нужно напередъ привести въ извѣстность, откуда и какого рода тѣ вліянія, подъ которыми она дорастаетъ. Но самъ по себѣ законъ непремѣннаго совершенствованія не рѣшаетъ ничего: на ряду съ совершенствованіемъ нерѣдко бываетъ и другое: вырожденіе человѣчества, возрастающая порча поколѣній. Какъ бы то ни было, безусловно хороши только молодая спаржа и молодой горошекъ: но для оцѣнки относительной годности двухъ поколѣній не всегда годятся критеріи огородниковъ.

Чѣмъ же отзываются для молодежи неосторожныя обращенія съ нею, всѣ эти ахъ! охъ!, посылаемыя по ея адресу? Отвѣчать не трудно: факты кричатъ. Возведеніе молодежи на степень какой-то особой партіи, впервыхъ, кружить ей голову; во вторыхъ, оно искажаетъ подлинный характеръ тѣхъ школьныхъ вспышекъ и взрывовъ, безъ которыхъ не проходитъ «бурный періодъ». Молодежь начинаетъ вѣрить, что она вертитъ колесо исторіи, что въ ея «исторіяхъ» состоитъ истинный прогрессъ общества, что наоборотъ,—ея спокойствіе выражаетъ собою всеобщій застой и заустѣніе. Съ другой стороны—остальное общество тоже начинаетъ вѣрить, что студенты—уже по самой природѣ своей какіе-то бунтовщики, и что университеты настоящія гнѣзда, гдѣ витаетъ одинъ духъ строптивости и непокорства. Доходитъ до того, что наконецъ обыкновенная уличная драка относится на-счетъ студентовъ. — Въ такомъ положеніи находится теперь русская учащаяся молодежь по отношенію къ обществу и правительству: ее скомпрометтировали вполне. Что же удивительнаго, если, при одномъ видѣ студента, мясникъ беретъ за ножъ, а дворникъ поднимаетъ метлу на каждую фигуру въ очкахъ и въ пледѣ?

Плохая награда для молодежи, что, — какъ уже сказано выше,—на ея хрупкія плечи слагаютъ различныя безобразія,

какихъ натворили другіе! На чей счетъ, напр., относится то «дѣйствительное явленіе» русской жизни, которое изображено въ моей брошюрѣ? Тамъ, напр., указано на извѣстные «контракты»; выходитъ, будто контрактами занимается учащаяся молодежь. Но вѣдь для такихъ контрактовъ нужны крупныя куши,—одни неустойки чего стоятъ? Да,—но вѣдь какой же отецъ способенъ на такія вещи? Разказано, далѣе, про оболщеніе акушерокъ,—опять студенты въ отвѣтъ; выставлена нелѣпность борьбы труда съ капиталомъ;—но вѣдь это «незрѣлые социалистическіе толки», которыми занимаются только студенты ¹⁾. Однимъ словомъ,—вездѣ молодежь, молодежь и молодежь.

Нѣтъ, не молодежь!!!! Она, эта несчастная молодежь, отданная на произволъ судьбы, развѣ вотъ при чемъ: долго вѣрила и продолжаетъ вѣрить (хотя уже не такъ убѣжденно), что общественная и политическая жизнь народовъ зависитъ отъ бойкой журнальной статьи и вновь вышедшей запрещенной книжки; но вѣдь такой вѣрой одержимы и другіе. Далѣе: «одно дѣйствительное явленіе русской жизни» съ его теоріей и практикой находитъ прозелитовъ и среди молодежи; но не ей принадлежитъ творчество въ этой области, не она преподала образцы для подражанія, не она осмѣяла другіе образцы, обозвавши ихъ чуть не ругательными кличками; не она «завлекала» товарищей въ пеньорохъ, не она формулировала разныя разности: ей ихъ показали и похвалили. Она хочетъ учиться,—ей кричатъ, что учиться не къ чему и не для чего; она хочетъ стать лучше того общества, среди котораго родилась и выросла; ее увѣряютъ, что она ужъ и такъ совершенство, и предлагаютъ заняться «вопросами». Уже по своей молодости она склонна къ правдивости; но ей наглядно показываютъ и доказываютъ, какъ можно говорить одно и дѣлать другое въ силу удобнаго различія частности отъ оффиціальности. И вотъ молодежь одурочена въ своихъ чувствахъ и вѣрованіяхъ, обманута въ своихъ инстинктахъ, воображаетъ, что за нее ратуетъ цѣлый сонмъ любителей и ревнителей молодежи. Но она

¹⁾ стр. 827.

не знаетъ, что ея непрошенные радѣтели и самозванные благодѣтели лишь для себя оставляютъ счастливые билеты, а ей, молодежи, продаютъ билеты на счастье, т. е. пустые. Молодежь идетъ къ лотереи, тянетъ свои пустые билеты, оплаченные иногда слишкомъ дорого, — порчей всей жизни, — но ее утѣшаютъ восклицаніями: «бѣдная молодежь!; къ ней ни жалости ни снисхожденія!» Да! молодежь нужно жалѣть, къ ней нужно имѣть снисхожденіе; но лишь тамъ *любятъ* молодежь, гдѣ зоботливо устраняютъ всякіе поводы проявлять снисхожденіе и сожалѣніе. —

Когда же мы дождемся, что и наша молодежь, на подобіе финляндской, будетъ молодою и терпѣливою въ ожиданіи своей нелегкой череды и т. д.?... когда перестанутъ ее тревожить неумѣстными взываніями и ненужными приглашеніями, когда перестанутъ толковать ей, что она въ правѣ распорядиться настоящимъ, потому что ей принадлежитъ будущее. Нѣтъ, — будущее принадлежитъ только той молодежи, которая умѣетъ уважать и цѣнить настоящее. Да и такой молодежи принадлежитъ не все будущее, а лишь часть его, и притомъ, часть весьма незначительная: мы не знаемъ и не можемъ знать, какъ великъ рядъ поколѣній, между которыми распределиться *все* будущее.

Одесса, 1878 г. Декабря 14.

